

казано шляхи формування на Русі інституту *мовчальників* і усвідомлення понять *лагідність душі*, *мовчання*, *катарсис*, *гордия*. Зіставлення середньогрецького і давньоруського текстів Хроніки Георгія Амартола свідчить про свідоме спотворення під час перекладу смислу з метою просування християнських ідей в умовах російського двовір'я і тривір'я.

Ключові слова: ментальність, візантизм, еквівокабула, концепт «премудрості», середньогрецько-давньоруський переклад, спотворення перекладу.

A. K. Kairzhanov

BYZANTINE CONCEPT OF “WISDOM” IN THE LANGUAGE OF WRITTEN TRANSLATED MEMORIALS OF KIEVAN RUS OF XITH C.

The article deals some aspects of the Byzantine mentality transformation in the language of written translated memorials of Kievan Rus of XI century. The author compares the evolution of the Byzantine hesychia to Russian concept of “wisdom.” He shows the ways to the formation of the institute of *molchalniks* in Russia and to awareness the concepts of the *gentleness of soul*, of the *silence*, of the *catharsis*, of the *pride*, of the *hubris*. Comparison of middle Greek and ancient Russian texts of Chronicles by George Hamartolos shows the conscious misrepresentation during the translating of substance for the promotion of Christian ideas in Russia in a dual or triple faiths.

Key words : mentality, Byzantium, ekvivokabula, the concept of “wisdom”, translation from middle Greek into ancient Russian, misrepresentation of translation.

Стаття надійшла до редакції 26.11.2012 р.

УДК 811.161.1'282.4'373.45(477.74):811.512.1

А. К. КАИРЖАНОВ

ТЮРКИЗМЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

В статье исследуются тюркизмы в русских говорах Одесской области и определяются языки-источники и языки-посредники, при помощи которых произошла диффузия и дисперсия в язык-реципиент.

Ключевые слова: аккультурация, денотативное и коннотативное значение, язык-посредник, язык-источник, диффузия, дисперсия.

В октябре 2011 г. на Вторых международных Карпенковских чтениях в Одесском национальном университете им. И. И. Мечникова я получил в подарок от Е. Н. Степанова фундаментальный труд авторского коллектива учёных кафедры русского языка — двухтомный «Словарь русских говоров Одесщины», изданный в 2000—2001 гг. издательством «Астропринт» под редакцией члена-корреспондента НАН Украины Ю. А. Карпенко на средства японского профессора Сусуму Уэмура [10].

Анализ словарных статей обоих томов показал, что в словаре представлено немало тюркизмов, многие из которых не вошли в другие толковые словари русских говоров, несмотря на достаточную освоенность этих слов в обыденной речи жителей русских сёл Одесской области.

Современной науке известно, что ещё на рубеже двух эр Северное Причерноморье находилось под властью скифских племенных союзов. В начале III в. н. э. этот регион попадает в зависимость гуннской конфедерации, вобравшей в себя как остготовов, так и антов. В VI—VIII вв. н. э. эти земли были включены в состав Великого тюркского каганата. В XI веке эта обширная территория вошла в состав Западного Дешт-и-Кыпчак. Обитателей степных просторов восточные славяне называли половцами, а европейцы — куманами. В XIII веке эти земли были завоеваны Батыем и Мунке и вошли в состав Золотой Орды. Именно по этой земле проходило северное ответвление Великого Шёлкового пути. Вдоль этого торгового тракта возникали поселения, куда купцы-рахдониты везли свой товар, двигаясь к восточному берегу Крыма, в столицу Западного Дешт-и-Кыпчак город Сугдак (современный Судак) [1]. Здесь осуществлялись славяно-иноязычные языковые контакты, в том числе славяно-тюркские. Материалы анализируемого словаря отражают рудименты этих отношений, характеризующих былые следствия и последствия древнейшей аккультурации. Этот процесс был длительным и постоянным, перманентно протекая в течение 14 веков. На это указывают и составители современного «Идеографического словаря тюркизмов в русском языке» [8]. Тюркские слова проникали не только в славянские, но и в другие языки (например, в языки романо-германского суперэтноса), при этом это происходило в разные исторические периоды.

Лексические тюркизмы анализируемого словаря отражают древнейший период аккультурации славяно-тюркских языковых отношений. Ещё в китайских летописях обнаруживаем первые

упоминания о мощном племенном союзе антов, расселявшемся в западных отрогах Тянь-Шаня [1]. Рядом с антами обитали тюркские племенные союзы. Мы, подвергая анализу труды античных авторов Аристофана, Плиния, Милы и Птолемея, определили, что в состав тюркоязычных племенных союзов входили комы (куманы, команы, хоаманы) [5]. По-видимому, в этой terra interiorum было заложено начало той аккультурации между носителями праславянского языка и языка древних кыпчакских племенных союзов. Так, Г. К. Рахимжанова, анализируя труды Е. Куриловича и М. К. Кокобаева, пишет, что славянское слово *тын* было заимствовано остготами до 2 в. н. э. [9, с. 34—35]. Ср., в «Словаре русских говоров Одесщины» [далее — СРГО]: *т ы н* — «забор из камыша, веток» (с. Васильевка, с. Троицкое, с. Мирное, с. Николаевка, с. Русская Ивановка) [10, т. 2, с. 232]. Видимо, слово *тын* было заимствовано из древнетюркского языка, так как позже в этом языке оно подверглось семантическому сдвигу и приобрело метафорическое значение — «успокаиваться, обретать покой» [2, с. 567]. Оно распространено также в Архангельских, Олонецких, Вятских говорах, говорах казаков Горькой линии.

Слово *кут* у носителей русских диалектов Одесской области имеет два значения: «1) Угол. 2) Почётное место в доме, красный угол» [10, т. 1, с. 276]. В казачьей избе Горькой линии у входа, чаще всего слева, устьем к передней стене расположена большая печь. Пространство между устьем печи и передней стеной называется *кутью*. *Куть* (или *кут*) освещается обычно двумя окнами: боковым, со стороны улицы, и окном напротив. Слово *куть* широко распространено в современных вологодских, ярославских, пермских, архангельских (*кут*) и сибирских говорах; в череповецких, донских (*куток*) и русских говорах на территории Литвы (*кут*). Эта лексема обозначает угол вообще; в тульских — святой угол в избе, а в одесских — красный угол [6, с. 147—148]. Эта лексема и её концепт были заимствованы из тюркского не только славянами. Семантическую кальку этого слова обнаруживаем в некоторых словах среднегреческого языка, например, *kantos* («угол глаза»). По-видимому, это следствие аккультурации во времена Тюркского каганата (VI—VIII вв. н. э.) или в более раннюю эпоху гуннской конфедерации, когда в IV в. н. э. тюркоязычные народы (гунны и динлины-кыпчаки) вместе с антами и остготами находились на границах и в пределах Восточной и Западной Римской империи. В указанные периоды вся лесостепная полоса Евразии находилась под властью номадов: от большой излучины Ясиль-угюз (Великой Жёлтой реки) на Востоке до Боспора и Каталаунских полей Западной Европы [1].

В прототюркском имелось несколько омонимов *qut*. Первый ряд значений этого слова — «душа; жизненная сила, дух» [2, с. 471]. Напр., в отрывке из текста «Легенды об Огуз-кагане» (памятник XIII в. из коллекции Поля Пельо, хранящийся в Национальной библиотеке Франции в Париже): «*мен сенге башумны кутумны бере мен — я отдаю тебе свою голову [и] свою душу*». *Кут* встречается в парном сочетании *qut-vaxšik* в значении «дух, мифической существе». Ср., также в тексте «Большого гимна в честь Мани», хранящемся в берлинской коллекции А. Лекока: «*устунки алтынкы тенриларнин онги, онги кут вашикларнын усталзун тенгридем кучляри — пусть возрастут божественные силы находящиеся сверху и внизу богов и всяких духов*». В старокыпчакском, киргизском и казахском языках слово *кут* имеет денотативное значение «охранять, оберегать», зафиксированное в памятнике письменности Западного Дешт-и-Кыпчак «Codex comanicus» [13]. По-видимому, в прототюркскую эпоху субстантив *кут* обозначал ритуальный предмет, выполнявший функцию оберега.

Второй ряд значений лексемы *кут* — «счастье, благо, благодать, благополучие; удача, успех; счастливый удел» [2, с. 471]. В древнетюркской «Книге откровений и рассуждений» X в. [7] обнаруживаем следующее: «*корьма темши кут бергей мен темши — Он сказал: Не бойся! Я дам [тебе] благодать*». В сутре «Золотого блеска» находим сочетания лексем *qut qolunč* («мольба») и *qut qolunmaq* (религ. «устремлённость к блаженству»). Вероятно, в древнетюркском наблюдаем семантическое калькирование из санскрита — *pranidhāna* («устремлённость к сакральному блаженству»).

Этот сопоставительный анализ даёт нам возможность сделать некоторые выводы. Во времена Тюркского каганата (VI—VIII вв.) лексема *кут* была заимствована антами. Они использовали её в сакральной практике для того, чтобы умиловить, успокоить душу умерших предков, а для этого они не только отводили специальное помещение в жилище *куть* (*кут*, *куток*), но и готовили специальное обрядовое поминальное блюдо — *кутья* — из риса или другой крупы, смешивая с изюмом, мёдом. Мы считаем ошибочной точку зрения Ш. Дюканжа и его последователей, что лексема *кут* заимствована славянами из среднегреческого языка — *κοκκία* («бобы») или *κοκκος* («зерно») [3]. Ведь трудно объяснить фонетическими закономерностями переход звука [к] в [т]; на самом деле [к] перед гласным переднего ряда должен был бы дать звук [ч], но этого не могло произойти. Ведь эта лексема отражает древнейшие связи протославян с тюркоязычными народами (куманами) на рубеже двух эр, когда, например, анты ещё находились на своей «первой» прародине в западных отрогах Тянь-Шаня. В дохристианский период в славянских жилищах *куть* (*кут*) — это святой (красный) угол, в котором хранится жизненная сила, изоморфно связанная с языческими божествами, и место в доме, где собира-

ется вся многопоколенная семья для обретения благодати. Небесная благодать, счастье, благополучие проникает в кут через сквозное освещение со стороны улицы и со стороны подворья. После 988 г. концепт оппозиции «Тенгри / Умай / Белобог (Сварог, Дажьбог) — Мать сыра земля (Чернобог)» подвергся безжалостной аннигиляции, и образовавшуюся лакуну постепенно с великими потугами заполнили категорические мировые конфессии — христианство и ислам.

Таким образом, *кут* в прототюркской мифологии — сверхъестественная жизненная сила. Эту силу необходимо было испрашивать у божеств верхнего яруса Тенгри (Сварога и Дажьбога) и божеств среднего мира (анимистические и пантеистические духи — Ыдык Йер-Суб). *Кут* — это место в жилище славян, в том числе и у казаков, и одновременно оберег (святой угол) благополучия семьи, а при помощи *кутмы* они хотели уберечься и от болезней, и от смерти, которые могли насладиться души умерших предков.

В Северном Причерноморье обладают высокой частотностью тюркизмы-локативы *лан* и *май-дан*. В СРГО слово *лан* («поле») имеет повсеместное хождение в сёлах Одесской области [10, т. 1, с. 281]. В казахском языке имеются омонимы: *алау* — 1) «площадь; площадка»; 2) «сомнение в душе, беспокойство, забота» [4, с. 46]. Жители русских и украинских сёл Одесщины для обозначения «площади» используют слово *май-дан*. Этот тюркизм вошёл в украинский литературный язык [10, т. 1, с. 294]. М. Фасмер и В. В. Радлов указывают, что эта лексема заимствована из кыпчакского языка и имеет значение — «ровное, свободное место» (*mādan*; [11, т. 2, с. 559; 13].

В отношении происхождения слова *магазин* сложилось три разных мнения. Одни учёные полагают, что оно пришло через немецкое посредничество (*Magasin*) из французского языка (*magasin*). Другие указывают на голландское происхождение: *magazijn* (*магазея*) [11, т. 2, с. 554—555]. Ф. Миклошич же считает, что это слово вначале было усвоено романскими и германскими языками из древнетюркского языка (*maγaz*) [12]. Таким образом, в славянские языки оно попадает из тюркского через французское и немецкое посредничество. Вполне возможно, этот процесс заимствования происходил параллельно; ведь сегодня трудно преодолеть явления аберрации дальности в этом вопросе. В русской диалектной речи жителей сёл Одесской области слово *магазин* обозначает: 1) «склад, помещение для хранения зерна»; 2) «соты» [10, т. 1, с. 293].

Слово *башка* с ударением на первом слоге употребляется, по-видимому, только русскими Северного Причерноморья в значениях: 1) «надстройка над погребом»; 2) «погреб»; 3) «летняя кухня» [10, т. 1, с. 33—34]. В русских говорах слово *башка* появилось из кыпчакского *baš* — «голова». Это произошло благодаря частым торговым сделкам при покупке скота (*Ваšка канча берүрчән? — Сколько дашь за голову?*) [11, т. 1, с. 139].

Тюркизмы, называющие предметы, попадавшие к славянам во время торговых контактов, свидетельствуют прежде всего о существовавших экономических связях славян и тюрков. Заимствование же слов суперконцепта «человек», обозначающих качества, состояние и поведение человека, социальные отношения, свидетельствует, прежде всего, о процессах аккультурации, которые происходили между славянскими и тюркскими народами в условиях близкого соседства либо совместного проживания.

В СРГО приведены тюркизмы: *байбак*, *байлык*, *бастрюк*, *бельбек*, *кабаниха* и др. Сравним. В русских говорах Одесщины имеются омонимы *байбак*: 1. «Ленивый человек». 2. «Весло» [10, т. 1, с. 23]. В караимском языке *baidbax* — «степной сурок, ленивец (плохой)»; в кыпчакском *baɣbak* — «сурок». М. Фасмер считает, что значение «лентяй» более раннее, нежели «сурок», зооним вторичен и образован на основе метафоры [11, т. 1, с. 107]. *Байлык* — 1) «принудительная работа, повинность»; 2) «обязанность» [10, т. 1, с. 24]. В казахском языке слово *байлык* многозначно. Его переносные значения — «богатство; состояние»; «достояние» [4, с. 114]. Денотативное же значение подверглось аннигиляции; сохранилось значение, образованное благодаря семантическому сдвигу. По-видимому, носители русских диалектов Одесщины сумели сохранить это утраченное в современных тюркских языках значение. *Байстриук* (*байстриук*, *бастрюк*) — «укр. выродок; незаконнорожденный ребёнок» [10, т. 1, с. 24]. Родственное слово встречается в польском языке — *bastard*, — куда оно заимствовано из средневерхненемецкого наречия — *Bastard* [11, т. 1, с. 132]. В русской диалектной речи Одесщины под влиянием метафоризации слово *байстриук* (*байстриук*, *бастрюк*) приобрело дополнительное терминологическое значение — «пасынок у кукурузы». Так, жители села Демидово Березовского района говорят: «У кукурузы три раза на лето байстриуки обламывают» [10, т. 1, с. 24]. Ср., в казахском языке значение лексемы *бастыру* — «придавливание кого-либо, чего-либо» [4, с. 128]. Именно «придавливание» и является «зерном первосмысла» (концептом) украинского и русского диалектного слова *байстриук* (*байстриук*, *бастрюк*). *Бельбек* уничижит. «глупец, болван» [10, т. 1, с. 36]. Вероятно, это слово образовано от кыпчакского *bilmäs* «он не будет знать» (< *bilmäk*) [11, т. 2, с. 149]. *Кабаниха* «толстая женщина» [10, т. 1, с. 246]. Образовано от слова *кабан*, которое, в свою очередь пришло из кыпчакского, где *кабан* — «вепрь, дикая свинья, боров», а также «стог, скирда» [11, т. 2, с. 149].

Рассмотренные в предыдущем абзаце тюркизмы бытуют в живой речи русских Причерноморья, демонстрируя былые следы древнейшей аккультурации. Эти слова вошли в плоть и кровь славян и служат для пейоративной оценки поведения человека в рамках оппозиции «хорошо — плохо».

Теперь приведём из анализируемого словаря тюркизмы, обозначающие предметы быта. Некоторые из этих слов отсутствуют в «Словаре русских народных говоров», так как используются локально только русскими Одесщины. *Баба́й* — «деревянный колышек на борту лодки для крепления каната» [10, т. 1, с. 20]. С таким значением это слово в тюркских языках не встречается. *Ба́ран* — «вал; барабан» [10, т. 1, с. 28]. Это слово с таким значением употребляется повсеместно в русских сёлах Одесской области. Интересно, что М. Ш. Мусатаева и Л. А. Шеляховская [8, с. 136] отмечают два значения слова *баран* — 1) «овечий самец»; 2) «древнее стенобитное орудие, таран». *Баи́ тарма́к* — «густые деревянные вилы» [10, т. 1, с. 34]. Это слово имеет хождение только в сельской местности Одесской области. В «Словаре русских народных говоров» оно не фиксируется. Это сложное слово, образованное сложением кыпчакских *baş / баи* («голова») и *tarmaq / тармак* («ответвление»). Это оригинальное орудие труда предназначено для сбора колосьев во время обмолота. *Самáн* — «раствор глины с примесью резаной соломы» [10, т. 2, с. 152]. Это слово распространено за пределами Северного Причерноморья и обозначает высушенный кирпич, изготовленный из раствора глины с добавлением соломы. Заимствовано из кыпчакского языка, в котором *saman* — «солома» [11, т. 3, с. 552]. *Чуми́чка* — «разливная ложка, половник» [10, т. 2, с. 279]. Образовано от *чум* «черпак, ковш», впервые фиксируется в древнерусской грамоте 1328 г. В кыпчакском языке *çotıç* — «шумовка» [11, т. 4, с. 381], используемая для сбивания и разлива кумыса. Заметим, что *чумичка* сегодня используется и моряками Черноморского флота в качестве половника, ковша для разливания еды в алюминиевые миски. *Килéм* — «ковёр» [10, т. 1, с. 258]. Ср.: в казахском языке *кiлем* — «ковёр ворсовый» [11, с. 423]. *Баи́маки* — «тапочки» [10, т. 1, с. 34]. Заимствовано из турецкого, чагатайского языков: *başmak* — «башмак, подошва». Частотность этой лексемы в русском языке возрастает, начиная с XVI в. Это слово встречается в описи имущества Ивана Грозного (1582 г.) [11, т. 1, с. 139]. *Казáн* — «большой котёл для приготовления пищи» [10, т. 1, с. 248]. Встречается повсеместно на Одесщине. Заимствовано в русский из кыпчакского: *kazan* — «котёл» [11, т. 2, с. 159]. *Казáн* — «посуда для приготовления пищи» [10, т. 1, с. 247]. Это слово с таким значением встречается только в с. Вознесенка Первая Арцызского района. В тюркских языках этим словом называют древнетюркский титул верховной власти — *Каган*. Слово было заимствовано в древнерусский язык в эпоху Киевской Руси (*каганъ*), Хазарии и Византийской империи, в среднегреческий (*καγάνος*). Родственное слово сохранилось в аварском языке — *chaganus*. Однако в тюркский язык название титула было заимствовано из китайского языка: *Ке* (великий) + *kuan* (правитель) [11, т. 2, с. 155]. *Бакы́р* — «трёхлитровый бидон» [10, т. 1, с. 25]. В одном из кыпчакских диалектов *baqyr* — «ведро» [4, с. 117]. По-видимому, здесь речь идёт о медном ведре или бидоне.

Эти и ряд других тюркизмов «Словаря русских говоров Одесщины», обозначающих предметы быта, активно функционируют в русской диалектной речи Одесщины.

Кроме проанализированных групп тюркизмов, в лексике русских говоров Одесской области имеются тюркизмы-фитонимы, используемые только в регионе Северо-Западного Причерноморья. *Арнаутка* — «сорт яровой пшеницы» [10, т. 1, с. 18] и светлой пшеничной крупы из её зёрен. М. Фасмер фиксирует слово *арнаут* со значением «албанец», указывая на турецкое посредничество в заимствовании: *arnaut*. На основе заимствованного из турецкого *арнаут* образовано слово *арнаутка* со значением «сорт пшеницы с твёрдыми семенами» [11, т. 1, с. 88]. Фасмер указывает также, что в XVI в. у Ивана Пересветова встречается топоним *Орняутская земля*. *Кабáк* — «тыква» [10, т. 1, с. 246]. У М. Фасмера обнаруживаем другое значение, заимствованное из кыпчакского языка (*kabak*) — «вид травы» [11, т. 2, с. 148]. *Каву́н, кау́н* — «арбуз» [10, т. 1, с. 247]. Принято считать, что оно заимствовано из кыпчакского и турецкого языков: *Kaun, Kavun* («дыня»). В кыпчакском оно обозначает «арбуз, дыня» [11, т. 2, с. 154]. *Курáй* — «сорная трава» [10, т. 1, с. 274], от кыпчакского *Kurai* — «растение Salsola calı» [11, т. 2, с. 422], колючая сорная трава, способная расти в засушливой зоне. Эти и ряд других фитонимов-тюркизмов, зафиксированных в СРГО, обладают высокой частотностью употребления в русской диалектной речи Северного Причерноморья.

К сожалению, в одной статье невозможно описать все тематические группы тюркизмов, представленных в «Словаре русских говоров Одесщины». Думается, необходимо экскерпировать из этого словаря методом сплошной выборки следующие тематические группы тюркизмов: прагматонимы (*раки́я* — «сливовая водка», *булгур* — «пшеничная каша», *бастр* — «низкосортный сахар», *каларма* — «баранье мясо, тушённое с острыми приправами» и др.); зоонимы (*товар* — 1) «стадо коров», 2) «кожа для обуви»; *табун* — «группа лошадей»; *буга́й* — 1) «бык-производитель», 2) перен. «грозовая туча», 3) «паровоз»; *баба́* — «пели-

кан» и др.); климатонимы (*абазá* — «юго-восточный ветер») и некоторые другие тематические группы.

Настоящей работой мы преследуем одну цель: обратить внимание исследователей на проблему лингвистической аккультурации, имевшей место в древнее время и средневековье на территории Северного Причерноморья. Славяне оказались между турецкой и крымско-татарской языковой стихией на юге и кыпчакским языком на северо-востоке. Именно здесь сложилась специфическая славяно-тюркская изоглосса, функционирующая в условиях активного процесса освоения иноязычных слов в результате диффузии, а затем и дисперсии в языке-реципиенте. Многие тюркизмы, освоенные славянскими языками в древнее и средневековое время, сегодня воспринимаются носителями русского языка, в частности его островных говоров, как исконные.

1. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь : в 2-х кн. / Л. Н. Гумилёв. — М.: ДИ-ДИК, 1997.
2. Древнетюркский словарь. — Л., 1969. — 567 с.
3. Дюканж К. Glossarium mediae et infimae graecitatis. — Lugduni, 1688.
4. Казахско-русский словарь / ред. Р. Г. Сыздыкова, М. М. Копыленко и др. — Алматы, 2002. — 1008 с.
5. Каиржанов А. К. Кыпчаки (команы, куманы, комы, хаоманы) в контексте античной географической традиции / А. К. Каиржанов // Изв. Евразийского университета. Сер.: языковедение, литературоведение. — 2000. — № 3. — С. 145—146.
6. Каиржанов А. К. Млечный путь Евразии / А. К. Каиржанов. — Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилёва, 2004.
7. Каиржанов А. К. Irq bitig // А. К. Каиржанов. Византизм и ментальность Киевской Руси. Раздумья на степной дороге. — Киев : ИД Дм. Бураго, 2012. — С. 233—251.
8. Мусатаева М. Ш. Идеографический словарь тюркизмов в русском языке / М. Ш. Мусатаева, Л. А. Шеляховская. — Алматы, 2006. — 266 с.
9. Рахимжанова Г. К. Тюркизмы в русском газетном тексте : дис. ... канд. филол. наук. — Астана: ЕНУ им. Л. Н. Гумилёва, 2004. — 185 с.
10. Словарь русских говоров Одесщины : в 2-х т. / отв. ред. Ю. А. Карпенко, С. Уэмура. — Одесса: Астропринт, 2000—2001.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т. — М., 1964—1973.
12. Miklosich F. Die turkischen Elemente in den sudost- und osteuropaischen Sprachen, I—II, Nachtrag I, II (DWA, № 34 (1884); № 35 (1885); № 38 (1890)).
13. Radloff W. Das turkische Sprachmaterial des Codex comanicus / W. Radloff. — St.-Peterbourg — Riga — Leipzig, 1887.

А. К. Каиржанов

ТЮРКІЗМИ В РОСІЙСЬКИХ ГОВІРКАХ ОДЕСЬКОЇ ОБЛАСТІ

У статті досліджено тюркізми, що функціонують у російських говорах Одещини, та визначено мови-донори та мови-посередники, завдяки яким відбулася дифузія та дисперсія у мові-реципієнті.

Ключові слова: аккультурація, денотативне та конотативне значення, мова-посередник, мова-донор, дифузія, дисперсія.

A. K. Kairzhanov

TÜRKISMS IN THE RUSSIAN DIALECTS OF ODESSA REGION

In this article the author investigates the Türkisms functioning in the Russian dialects of Odessa region and identifies the source languages and intermediate languages, with which there was a diffusion and dispersion in the recipient language.

Key words: acculturation, denotative and connotative meaning, intermediate language, source language, recipient language, diffusion, dispersion.

Стаття надійшла до редакції 12.02.2013 р.